

Дорогие друзья!

Мы выходим с новым номером нашей зоопарковой газеты после длительного перерыва в целый год. Мы собирались выпустить новый номер к началу сезона в надежде, что ковид не помешает всем нашим посетителям, кто давно у нас не был, прийти, погулять, а затем и почитать что произошло у нас в Парке и как жили их любимцы в сложном 2021 году, который кажется теперь таким простым и чуть ли не милым. Сейчас нам вдвое важно поделиться с Вами подробностями о наших питомцах – Ваших друзьях – как они живут во время войны и что происходило в оккупации, но в тяжелое время мы осилили только сокращенный вариант газеты, а потому и писать придется только о самом главном.

Правду говорят, что все познается в сравнении, и теперь, когда просто прогулка за город или выход с семьей в воскресный день кажется целой (еще и не безопасной) историей, вспоминаем наши тревоги ковидного периода некой легкой тренировкой – кстати, пошедшей Парку в некотором смысле даже на пользу. Итак, что такое жизнь зоопарка в войну?

Парк попал в военную ситуацию с первых дней. Здесь вкратце восстановим историю:

24 числа сотрудники собрались в Парке весьма сбитые с толку, и единственное, на что нас хватило в этот день, – бросить все силы на поиск дизеля. На заправках выстраивались очереди, а здравый смысл говорил, что вопрос отключения электричества – это только вопрос времени. Задним числом мы подтверждаем, что электричество пропало у нас на третий день, а вот газ (чего мы совершенно не ожидали) – где-то через неделю. Как Вы понимаете, холод является нашим чуть ли не бóльшим врагом, чем голод, рационы можно урезать, а минусовая температура убивает теплолюбивых животных (это все во внутренних зимних вольерах или 80% питомцев Парка) практически сразу. К великому счастью, в связи с подорожанием газа мы запроектировали бегемотарий на пелетных котлах, да еще успели установить пару резервных пелетных котлов в других зданиях – это второй фактор, который дал нам выжить.

Первый – та часть персонала, которая осталась на месте после захода

на территорию Дымерской ОТГ войск РФ. На следующий день после начала войны с целью остановки продвижения российских войск все мосты через Ирпень были взорваны и Парк, вместе со всем Дымерским районом, оказался фактически отрезанным. Больше месяца пять зоологов, врач, один волонтер и два охранника круглосуточно находились на территории Парка вплоть до выхода войск РФ в конце марта. Они жили в вольерах, где удавалось поддерживать какую-никакую температуру для экзотов, кушали то, что оставалось на кормокухне, а потом – что удавалось раздобыть по месту или отправить им с Красным Крестом с «большой земли». Кроме того, несколько сотрудников-зоотехников Парка оставались в селе в течение всего периода оккупации, ходили на работу через российские блокпосты, приносили с собой, что могли. Честь им и хвала!

Как назло, оккупация началась в конце месяца, за три дня до ежемесячных поставок кормов, и поэтому кормокухня была практически пуста. В последний день мы не успели ничего завезти и, честно, не рассчитывали, что будем лишены возможности по-

падать в Парк вот так сразу. Войска РФ организовали блокпосты у взорванного моста и запретили любое движение в направлении Дымера – можно было только эвакуироваться в сторону Киева, назад никого не пускали: кто остался – тот остался, кто вышел – тот не возвращался. Единственной нашей физической связью с Парком осталась группа Красного Креста из четырех человек – их переписали россияне и до 25 марта не возражали, чтобы они пересекали подорванный мост в направлении Демидова с лекарствами, продуктами и проч – всем, что можно было пронести в руках. То есть, Парку приходилось рассчитывать только на то, что оставалось в селе и что подносили эвакуирующиеся местные жители. Какое-то время сотрудники отваживались выходить на поиски еды и дизеля по адресам, которые нам сообщали оставшиеся в селе демидовцы по телефону (пока была связь), но позже и это стало невозможным, поскольку хождение по покинутым домам в опу-

стевшем селе могло быть плохо воспринято как русскими патрулями, так и местными жителями. Все, кто находился по соседству, делились своими запасами, а владельцы 355-го маршрута передали нам часть своего запаса дизеля из техпарка, что позволило нашему генератору работать пару часов в день, качать воду и запускать пелетные котлы. Благодарим еще раз.

В первые дни наши зоологи (после исчезновения тепла на приматнике) совершили перестановку всех обезьян в маленьких переносках в здание бегемотария. Переноски – это маленькие клетки, что используются, в том числе, для домашних животных при переездах (конечно, наши побольше), но считается, что сутки в такой переноске уже проблемно для животных, а здесь им пришлось просидеть несколько недель и, забегая вперед, скажу, что это вымотало их до полусмерти, а некоторых, увы, убило.

Сохранить животных в условиях войны нелегко. Если маленьких и спокойных еще как-то можно обогреть, разместить и накормить, то с животными побольше – это уже неразрешимая задача. На носорога нельзя положить одеяло, а как только температура опускается ниже 18 гра-

Фото из оккупации, Джон, март 2022-го

дусов – уже на следующее утро наш Арчи чихает. По счастью, мы делаем ежегодный запас сена каждое лето, а потому с копытными в части пропитания было полегче – рацион сузился до сена, но оно реально было в наличии. Обезьяны перешли на жуткие рационы из моркови (ее на складе было больше всего) и яблок (этих фруктов больше всего приносили наши соседи). Ну и что-то варили на костре зоологи, сдабривая чем можно для запаха.

Мы в Парке с большим вниманием относимся ко всем нашим животным, но, разумеется, у каждого сотрудника есть свой (пусть тайный) любимец. В моей семье тут все просто, и, когда выяснилось, что животные отрезаны в оккупации, мы с Аней сразу подумали об орангутанах.

Иося и Магда росли у нас в семье еще до зоопарка, а после их переезда роль обезьяньей мамы продолжила выполнять Аня. Ежедневные посиделки с ними по восемь часов, попытки чему-то научить (ты представляешь – Йосенька понял, как правильно собирать кубики – ты видишь какой он умница?), и, главное, любовь и забота позволили Ане остаться в орангутаньей семье в качестве родительницы. Мне это не совсем удалось – с возрастом Йозеф Михайлович решил, что одного главы в семье должно хватить. Оранги – одиночные животные, их мужчины в семьях не живут, а пребывание рядом еще одного бородатого кандидата в патриархи в его понимании излишне. Йося не стал менее приветливым и так же с удовольствием сидит со мной за беседами с малиной или горохом – просто он попросил, чтобы между нами была сетка. Иначе, когда у него плохое настроение и заходишь к нему в вольер, – сразу видно, как он теряется, не понимает почему я без спроса и периодически беспричинно волнуется. К сожалению или к счастью, с ним нельзя как с домашними животными, где можно устанавливать главенство тренировками и внушениями – а бывает что и разовой силовой акцией (особенно, понимая какой силовой акции я потом подвергнусь дома) – да это и бесполезно, орангутаны в семь раз сильнее человека и ежели ему чего захочется – он просчитает «когда», и это будет вопрос секунды – в зоопарках такое случалось. На мои увещевания Ане, что пора бы и ей ограничить прямой контакт – Йося

Война и Йозеф

ГОРЬКАЯ ОБИДА: как эвакуировали орангутангов Йосю и Магду

вырос, бывает не в духе – я слышу глупости наподобие «так и будет» и проч. Что ж, мы взрослые люди и взрослые орангутаны, значит – так и будет.

С первых же дней осады, по ходу ухудшения дел в зоопарке, Аня настойчиво проводила по отношению ко мне политику в духе Владимира Владимировича по отношению к Александру Григорьевичу: ты ведь не оставишь в беде лучшего друга или тебе по-другому объяснить? – с той разницей, что я тоже искренне хотел вытащить привыкших к индивидуальному уходу орангов – просто тогда не видел разумную соразмерность рисков. Когда после электричества пропал газ и всех других обезьян стали отлавливать по переноскам и перетаскивать в вольер к бегемоту, момент наступил сам собой – оранги в переноску не влезут и в ней не посидят.

Первая попытка эвакуации была предпринята нами самостоятельно: на автомобиле мужа нашего администратора, наши врач и старший зоолог на приматах, накачав обезьян анестезией, в сумках и пледах потащили их на пе-

бами и пытались добраться до наших сотрудников – все это прямо перед российским блокпостом. В общем, их еле дотащили назад до зоопарка, обдертых и перепачканных засунули в вольеры и, таким образом, надолго вывели из себя и научили плохо реагировать на анестезионное ружье.

Мы взяли паузу и начали размышлять над ошибками. В это время (две недели после вторжения) у российских патрулей на мосту сформировалась окончательная политика недопуска людей на территорию Дымерского ОТГ – они согласились ежедневно, вне времени действия комендантского часа, пропускать только четверых сотрудников Красного Креста – одним из этих железных людей была Юля. Можно вообразить, сколько трудностей им пришлось испытать – на их плечи легла транспортировка вручную лекарств и продуктов для тех, кто остался в оккупации. Какое-то время мы встречались каждое утро и Юля к своей поклаже добавляла наш мешок с едой или канистру дизеля. Потом вброд шла через ледяную воду.

Именно с Юлей мы завершили нашу акцию по доставанию орангутанов из замерзающего зоопарка. В этот раз все было куда сложнее, вода у разрушенного моста прибывала и требовались ящики для перевозки на плоту, потому что если орангутаны проснутся во время переправы, то даже лучше не думать, чем это может

Фото с военного дрона. Середина марта 2022, переправа у Демидовского моста. Как знать, может, эта красная точка у моста – наша Юля, а некий груз на перетяжном плоту – спящие рыжие обезьяны.

реправу. Эта операция обернулась провалом и почти трагедией – когда Йося очнулся на взорванном мосту, ему не понравилось что он увидел, и он решил, что спасение от таскания по морозу заключается в перилах – его от них еле оторвали. Надо понимать, что в таком состоянии сильнейшего стресса оранги не послушались бы даже Аню – а тут они щелкали зу-

закончиться (хотя и сейчас вспоминать, что ящики могли соскользнуть в воду и «ау» – просто страшно). Другая сложность – холодина и снег, но, по счастью, российский патруль через дырочки увидел обезьян и не стал требовать открывать ящики. Красный Крест перенес орангов через переправу, мы сунули их в машину и помчались домой. Магда не просы-

Магда в эвакуации на Львовщине

Вдвоем дома

делался он не для таких взрослых обезьян. Через день стало ясно, что в комнате им будет так же худо, как и в зоопарке (кроме тепла и еды, конечно) и мы стали обзванивать своих коллег. Йося с Магдой (вместе с мамой) были определены в дрогобычский зоопарк «Лимпопо», куда мы затем довезли и других обезьян, – на следующий день после освобождения нашего Парка, 31 марта.

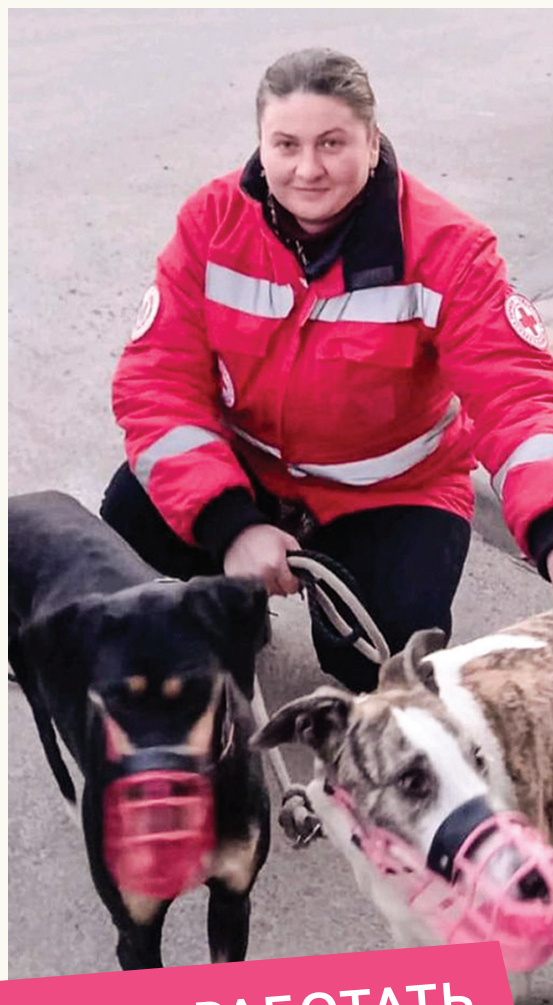
Помимо «Лимпопо», хочется сказать слова искренней благодарности другим зоопаркам, которые приютили нас в трудную минуту: компания приматов у нас

немаленькая и остальная ее часть отправилась отогреваться и отъедаться в Ровненский и Луцкий зоопарки.

Позже, за два дня до открытия парка, – 14 мая – я встречал их всех у вольеров. Безо всяких преувеличений, когда выгрузили других жителей приматника и в дальнем конце грузовика показались (любезно одолженные киевским зоопарком) большие клетки с Йосей и Магдой,

стало «грусто до не могу» – оранги разок глянули на меня и стали смотреть мимо, не реагируя ни на приветственные слова, ни на меня как такового. Точно усталые люди, они смотрели поверх меня и вбок, даже, скорее, как обиженные старики, которые все понимают, но не видят смысла что-то объяснять по причине полного разочарования в собеседнике. Некоторые утверждают, что животные не умеют точно передать мысли, потому что не умеют говорить, так вот из Йосиной переноски ясно звучало: не нужно ничего объяснять или извиняться – с нами просто нельзя так обращаться...

Оранги не злопамятны, они уже пришли в себя, общаются с нами и хулиганят, – иногда выводят маму-Аню из себя. Когда где-то гремит – посматривают на небо. Они и раньше боялись грозы и при раскатах грома летели к нам на руки, а поскольку из их бетонной перегонки, где они просидели отведенные им две недели в оккупации, не было видно ракет и танков, то, наверное, они решили что это была долгая и страшная гроза.

ЧЕСТЬ РАБОТАТЬ

СТАКИМИ ЛЮДЬМИ

P.S. ВЫ СПРОСИТЕ, КАК ЖИВЕТ НАША ЮЛЯ?

Через две недели после истории с орангами Юлю сцапали. Сперва она сидела под замком в Дымере, потом были Беларусь, и Россия, и Крым. Потом ее обменяли в Запорожье. Вообразите, что стоит за этими «потом». Придет время, Юля сама решит, что рассказать – а мы будем слушать, раскрыв рты, и вспоминать всех, кому она помогла.

Как я и думал, Юля сразу же после освобождения отправилась трудиться дальше – помогать детским домам на востоке. Для нас огромная честь быть знакомым с Юлей и ее коллегами по Красному Кресту.

СВИНЫЕ УШИ И ПЯТАКИ,

или история
со счастливым концом

В Парк заходит в гости и наш «фронтальный друг» Валентин – один из волонтеров, который во время оккупации занимался сбором людей по здешним селам и вывозом их в эвакуацию. После чего мы брали его в оборот и, увы, принуждали к поиску провизии для наших животных.

В связи с этим у меня есть одна история – можете улыбнуться и сказать, что байка – но это святая правда...

От одной замечательной девушки Оксаны, которая тоже помогала нам устанавливать местонахождение еды в селах, в середине марта я услышал, что где-то под Дымером есть цех по производству кормов и в нем находятся еще не испортившиеся «продукты разделки головных частей свиных туш».

Я вызвонил Валентина, сообщил первоначальную информацию, сказал, что сейчас уточню подробности и еще раз наберу, а он пусть пока выдвигается в том направлении.

Дальше события развивались с точки зрения каждого участника операции по-разному.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ.

Мне еще раз перезвонила Оксана и сказала, что

нужно подъехать к Дымеру, у въезда перед тракторной колонной стоят цеха, в одном из них есть морозильники и там находятся свиные уши и пятки. Я начал названивать Валентину. Он не брал, что выглядело странно – в зоне оккупации связи почти не было и когда шел сигнал, то обычно трубку сразу снимали – человек специально выбирался где-то на пригорок и целенаправленно ждал звонка. А тут я набрал раз пять – сигнал идет, ответа нет. Тогда я написал ему сообщение (сохранил его, конечно, на память) что, дескать, подъезжайте туда-то и берите то-то.

РАССКАЗ ВАЛЕНТИНА.

По дороге в Дымер он понял, что знает, где это место и в дальнейших пояснениях не нуждается. Поехал прямо туда и зашел в цех. Там его недружелюбно уронили на пол, подсунили под нос автомат

и осведомились, какого черта ему надо. Оказывалось, на территории предприятия было укрытие русских солдат, которые вместе с техникой, волею судеб, прятались именно в этом цеху. Тут зазвонил телефон. Один раз, третий, пятый. Старший осведомился, кто это Валентину так названивает. Валентин, как честный человек, изложил суть дела и цель поездки. Ему велели отдать телефон, на который тут же пришел смс. Старший его прочитал, протолкал Валентина вглубь здания к морозилке, велел ему забирать то, за чем приехал, и убираться.

Счастливым финалом истории, согласитесь, заставляет улыбнуться.

Ведь могла быть и другая реакция у солдат противника, прочитавших в смс, что Валентину следовало прибыть к месту их дислокации и привезти оттуда «сколько сможете свиных ушей и пятак»...

Продолжение. Начало на странице 1

Хуже всего пришлось хищным. Запасы мяса мы всегда брали на две недели, нужно его очень много, а в военных условиях раздобыть его практически невозможно. Животные не погибли только потому, что срок оккупации оказался сравнительно невелик – чуть больше месяца. Когда все мясо в округе, включая обрезки, шкуры и проч было израсходовано, оставалось одно – не думать о средней и долгой перспективе, а заниматься поиском насущного на один день вперед. Нашел – и слава богу, дальше видно будет. Жестоко говорить, но в одном случае горе соседей дало нам шанс – рядом с нами есть лошадиное ранчо, где от перебитой ноги пришлось попрощаться с лошадкой, потом со второй. Дальше Вы понимаете – эти смерти продлили наши жизни. Спасибо.

Небо над Парком в ракетном узоре

Животные реагировали на необычные условия практически как люди. Понимая, что что-то летит сверху и затем производит большой шум на земле, они при свисте снаряда смотрели вверх и приседали. А потом догадались, что их нелюбимые бетонные логова (куда их иногда закрывают для ветеринарных процедур или если нужно отделить животное от стаи) – это, натурально, бомбоубежища, – и сами заходили туда, когда поднимался шум боя.

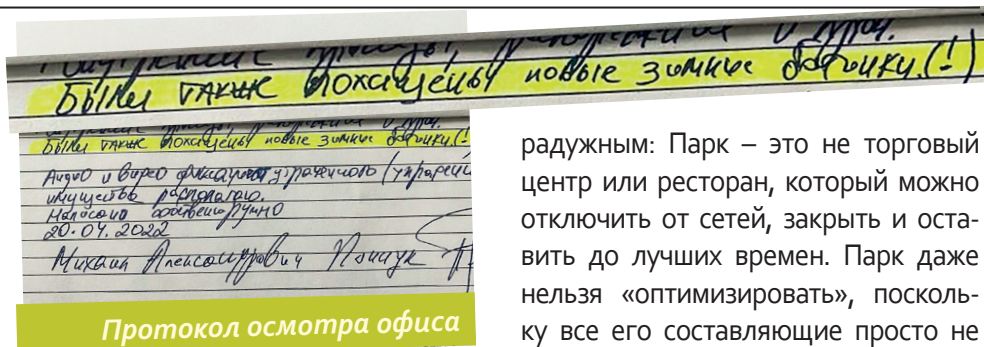
Были и жертвы обстрелов. По нам не пришлось прямых попаданий – зоопарк находился как раз между обстреливающими друг друга сторонами – противник обосновался с артиллерийскими батареями в Козаровичах, пять километров к северу от нас, а по нему били ВСУ из ближайшего леса у взорванного моста. Перед уходом россиян был такой огневой день, что наши медведи Тоби и Куба впали в жуткую депрессию (они вообще известные флегматики – а тут такое) и две недели апатично лежали и не проявляли интереса к жизни – даже когда уже установилась тишина и появилась нормальная еда. Носорог Арчи в первый же обстрел вырвал из стены свою стальную поилку, и сотрудники весь день уговаривали его не пораниться об острые края,

стачивая их прямо под носом (рогом) у Арчи. Николай Степанович, глава нашего жирафьего семейства, вообще грохнулся на пол при обстреле, и удивительно, что поднялся: упавший жираф обычно не встаёт. Ну а некоторые животные погибли от страха, разбиваясь о стены в панической атаке (обезьяны) либо от разрыва сердца вследствие шока, как многие птицы и полосатая гиена Жужа.

Как ни прискорбно, количество погибших увеличилось позже. Известно, что зоопарковые животные, как и их сородичи в дикой природе, не показывают, что им худо – утром это нормальное животное, а в обед оно просто падает и умирает. Потом на вскрытии остается удивляться, как оно вообще жило при таком наборе отказавших органов, хотя внешне это никак нельзя определить. Так погибла вовремя необработанная (из-за войны не доставили препараты) от клещей красная волчица Радуга, внезапно свалилась и умерла от инсульта (накопившийся стресс в перегонках) самка мангобея Лора, которая выросла у меня дома на кухне; уже в совершенно нормальных условиях погибла чудесная обезьянка императорский тамарин Уска, не получившая вовремя лекарства. Казалось бы – не от пуль и снарядов на поле боя, но это самое что ни на есть прямое следствие войны, просто с отлагательным эффектом.

Мы стараемся не печалиться, потому что при таких обстоятельствах избежать потерь было невозможно, и считаем, что могло быть куда хуже. Неделя, следующая за той, на которой нас освободили, очевидно, была бы для многих последней – животные просто стали бы умирать от голода. Когда я впервые увидел нашего льва Людвигу после деокупации, это была настоящая ходячая вешалка: вместо ежедневной порции мяса либо субпродуктов около 6 кг он получал четыре кило раз в четыре дня – думаю, этот пример достаточно говорит о том, как невесело им всем пришлось.

Немного от войск неприятеля досталось и нашим офисам – в общем, невелика потеря. Смешно говорить о каких-то убытках, мы считаем, что в этой ситуации в сравнении с другими пострадавшими городами – до Бучи тут километров двадцать – нам просто повезло, хотя я не оставляю надежду проследить, куда уплыли мои новые ботинки из шкафа и все еще храню вещдок в виде поношенных военных российских берцев, оказавшихся на их месте – шутка, которой мы отвечаем на вопрос о наших убытках. Ведь жизни погибших животных относятся не к убыткам, а к трагедиям, которые массово развер-

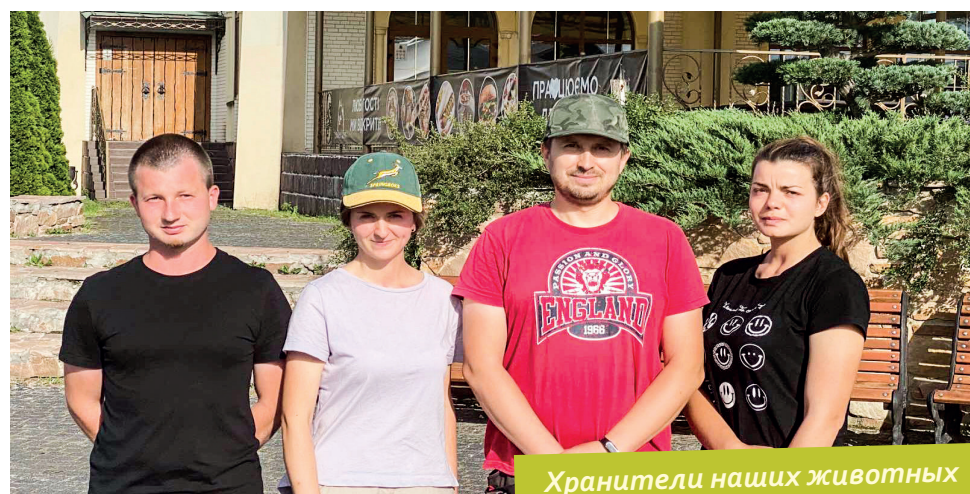

Протокол осмотра офиса

нулись среди питомников, приютов, зоопарков, да и просто среди людей, которые содержат домашних животных, и, хотя наших любимцев нельзя вернуть, можно (и нужно) заниматься другими жизнями, в том числе, в память об утраченных.

Будущее не представляется нам

радужным: Парк – это не торговый центр или ресторан, который можно отключить от сетей, закрыть и оставить до лучших времен. Парк даже нельзя «оптимизировать», поскольку все его составляющие просто не уменьшаемы: корма, обогрев с осени по лето, уборка и обслуживание – вот и приходится затягивать пояса. Мы действительно проходим серьезные испытания и, наверное, нас больше ничем не пробовать, но – пока посетителей нет – помощь нам очень нужна, ведь содержать зоопарк самостоятельно нам, увы, не под силу.

Хранители наших животных

ПОМОЩЬ ЗВЕРЯМ

Наш электронный адрес: 1@12.org.ua

Наш номер телефона: +38 096 770 41 59

Помощь можно направлять напрямую с сайта 12.org.ua

(кнопка «Допомогти тваринам» через программу Liqpay)

Либо на наш Карточный счет (Приват банк),

номер карты 5169 3324 0784 1611 – только с другой карты Приватбанка,

Либо через IBAN:

БО»БЛАГОДІЙНИЙ ФОНД ПОРЯТУНКУ ТВАРИН ПАРКУ «XII МІСЯЦІВ»

Код ЄДРПОУ: 43580570

IBAN: UA073005280000026006455080336 грн (uah)

Банк одержувача: АТ «ОТП БАНК»

Призначення платежу: Благодійний внесок на статутну діяльність

Для переводов в валюте из-за границы

мы просим использовать либо наш Paypal 1@12.org.ua

Либо опять-таки (для валюты) IBAN:

CHARITABLE ORGANIZATION «XII MONTHS PARK» ANIMALS' RESCUE CHARITABLE FUND»

Code: 43580570

Account IBAN #: UA073005280000026006455080336 eur usd

Beneficiary's bank: OTP BANK JSC

43 Zhylyanska Str., Kyiv, 01033

SWIFT code: OTPVUAUK

Payment purpose: Charity donation

Кроме того, пожалуйста, обратите внимание, что мы организовали различные программы опекуна практически для каждого животного – Вы можете стать опекуном от месяца до года, помогать зверям кормами и сколь угодно часто проводить своего подопечного – а я с удовольствием встречусь с Вами и расскажу, как у него дела, вместе сможем его покормить, а Ваше имя появится у него на вольере на табличке. Хотя дело, наверное, не в табличке, а в том, что, приходя к своему любимому зверю, Вы сможете не просто разглядывать его как великое чудо природы, а смотреть на него как на друга, которому Вы помогли в трудную минуту. А это, согласитесь, многого стоит.

До скорых встреч и слава Украине!

М. Пинчук